

Вам стоит понаблюдать за грачами.<...>
Но не заблуждайтесь, думая, что знаете этих птиц.
Грачи окутаны дивным небесным покровом тайны.
Они вовсе не те, кем кажутся.

Марк Коккер. Воронья страна¹

¹ *Марк Коккер* (р. 1959) — британский писатель и натуралист, автор ряда книг, посвященных взаимоотношениям человека и дикой природы, в том числе «Вороньей страны» (2007). — *Здесь и далее примеч. перев.*

Мне доводилось слышать — но лишь от тех, кто не может знать это доподлинно, — что в последние секунды пребывания человека в нашем мире вся его жизнь разом проносится перед мысленным взором. По сему случаю какой-нибудь циник мог бы заметить, что предсмертные мгновения Уильяма Беллмена наверняка были посвящены ревизии длинной череды счетов, контрактов и деловых операций, составлявших суть его бытия. На самом же деле, когда он приблизился к границе с миром иным — к той границе, которую рано или поздно суждено перейти каждому из нас, — мысли его сосредоточились на людях, уже канувших в неведомое: жене, троих детях, дяде, кузене и некоторых друзьях детства. А после того как он припомнил всех утерянных близких, остался еще какой-то миг на самое последнее воспоминание перед кончиной. И в этот миг из глубин его сознания всплыло нечто, погребенное там около сорока лет назад: история с грачом.

Дело было так.

Уиллу Беллмену исполнилось десять лет и четыре дня от роду, и празднование первого в жизни юбилея было еще свежо в его памяти. Он с друзьями гулял по краю поля, отделявшего речной берег от леса; то же поле облюбовали грачи, с шумным хлопаньем крыльев садясь на землю и деловито ковыряя ее в поисках червей и личинок. С Уиллом был его кузен Чарльз, которому предстояло со временем унаследовать Беллменскую фабрику. Их отцы приходились друг

другу родными братьями — все вроде просто и ясно, да только простотой в тех семейных отношениях и не пахло. Третьим в их компании был Фред, старший сын владельца пекарни. А родня его матери владела молочными фермами и маслобойнями. Утверждали, что никто из детей в Уиттингфорде не питается лучше Фреда, и в это легко верилось, ибо выглядел он возвращенным исключительно на сдобных булочках со сливками. Белозубый, мясистый и широкий в кости, он любил поговорить об отцовской пекарне как о своей будущей собственности. Еще там был Люк, сын кузнеца, который и не надеялся хоть что-то унаследовать, имея целую толпу старших братьев. Его медно-рыжие волосы виднелись за милю — понятно, в тех случаях, когда их не покрывал толстый слой грязи. От школы он предпочитал держаться на безопасной дистанции, не видя никакого смысла в ее посещении. Если тебе вдруг захочется получить взбучку, дома ее зададут ничуть не хуже, чем в школе. Посему от родных стен он также держался подальше, разве что совсем оголодает. Когда не удавалось добыть еду попрошайничеством, он кормился плодами садов и огородов, а когда спелых плодов не было, воровал все подряд. Надо же мальчику что-то есть. При этом он питал самые теплые чувства к маме Уильяма, которая иногда давала ему хлеб и сыр, а однажды даже позволила обглодать куриный костяк.

До начала этого лета каждый из мальчишек жил своей жизнью, но затем что-то свело их вместе, и этим «чем-то» был возраст. Все они родились в один год и даже в один месяц, и с преодолением десятилетнего рубежа эта символическая годовщина воздействовала на них как сила взаимного притяжения. Но не только дружба регулярно собирала их в зарослях или на прибрежных лугах в те августовские дни. Была еще и тяга к состязаниям.

Они бегали наперегонки, взбирались на деревья, устраивали потешные бои и турниры по рукоборью. И с каждым ярдом они бежали все быстрее; и каждая ветка на пути к вершине открывала перед ними новые горизонты. Они подби-

вали друг друга на все более рискованные затеи и всегда были готовы принять вызов. Они не обращали внимания на царапины и ссадины; синяки были для них знаками чести, а шрамы приравнялись к боевым наградам. Каждую минуту каждого дня они подвергали себя новым испытаниям перед лицом этого мира и друг друга.

В возрасте десяти лет и четырех дней Уилл был доволен как этим миром, так и самим собой. Он знал, что еще не скоро станет мужчиной, но он уже не был и маленьким мальчиком. На протяжении всего лета, просыпаясь под рассветный галдеж грачей на деревьях позади маминого дома, он чувствовал, как день за днем прибывают его силы. Он уже перерос свой дворик и сад; теперь его владениями становились окрестные поля, лес и река, а заодно и небесный свод над ними. Ему еще многое предстояло узнать, но он верил, что сделает это так же, как до сих пор усваивал все в своей жизни, то есть легко. А пока что, в процессе познания, он мог вволю упиваться этим новым, волнующим чувством всевластия.

— Спорим, я сшибу вон ту птицу. — Уилл выбрал цель на ветке отдаленного дерева.

То был один из дубов, росших по соседству с его домом; да и сам дом был виден отсюда, наполовину скрытый живыми изгородями.

— Спорим, не собьешь! — сказал Люк, только что взобравшийся на береговой откос, и обернулся к приятелям, указывая пальцем. — Уилл хочет сбить птицу с того дерева.

— Слабо ему! — хором откликнулись Фред и Чарльз, но поспешили приблизиться, чтобы не прозевать попытку.

Птица, ворона или грач, находилась явно вне досягаемости выстрела из рогатки — снаряду пришлось бы пролететь добрых полполя.

Уилл достал из-за ремня свое оружие, а затем устроил целое шоу из поиска подходящего камня. Принято считать, что наилучшие метательные снаряды сами по себе обладают

некой мистической силой. Поэтому среди ребят высоко ценилось умение выбрать «правильный» камешек, а споры относительно их качеств — размера, гладкости, структуры и цвета — могли длиться часами. Стекланные шарики, конечно, были вне конкуренции, но мало кто был готов рискнуть потерей такой ценной вещи. В глубине души Уильям был уверен, что для стрельбы в равной мере годится любой голыш подходящего размера, но он не хуже сверстников понимал важность мистификаций и воспользовался этим, чтобы потянуть время.

Между тем друзья занялись изучением рогатки Уилла, который перед началом поиска передал ее своему кузену. Чарльз взял рогатку не глядя, но затем почувствовал, как удобно она легла в руку, и заинтересовался. Первым делом в глаза бросалась ее форма: почти безупречная буква Y. Такое редко увидишь в природе — можно обыскать хоть весь лес и не найти развилки настолько симметричной. Уилл парень глазастый, это факт.

Фред в свою очередь произвел осмотр. При этом он наморщил лоб, опустил уголки рта и в целом имел такой вид, будто рассматривает кусок сливочного масла весьма сомнительного качества.

— Это не орешник, — объявил он.

— Орешник легче резать, только и всего, — отозвался Уилл, не поднимая головы, все еще в процессе поиска. — Но это не значит, что он лучше других подходит для рогатки.

А повозиться в тот раз ему пришлось изрядно: предварительно наточив нож, он вскарабкался по ветвям и терпеливо пилил твердую древесину под развилкой, ранее заприемченной с земли. Бузина была достаточно старой, чтобы набрать должную крепость, но еще достаточно молодой для сохранения упругости.

Кожеток был ребятам знаком: Уилл взял его со своей прежней рогатки. Вырезанный из язычка от старого ботинка, он был по центру рассечен несколькими аккуратными надрезами, чтобы перед выстрелом кожа растягивалась и

плотнее охватывала снаряд. А вот другая деталь конструкции оказалась им в новинку. В местах крепления резиновых жгутов к концам развилины Уилл прорезал неглубокие желобки шириною в дюйм. Жгут был привязан по центру каждого желобка, остальная часть которого, ниже и выше узла, была обмотана несколькими слоями бечевки, плотно прилегающей к узлу. Чарльз восхищенно провел пальцем по креплению. Сделано ловко, спору нет, но практической пользы он здесь не увидел.

— Зачем это нужно? — спросил он.

Люк взял у него рогатку и также пощупал крепления, оценивая качество работы.

— Это для того, чтоб узел не сдвинулся, верно? — спросил он.

Уилл пожал плечами:

— Я сделал так на пробу. Пока что прицел ни разу не сбился.

До того дня мальчишки и не подозревали, что рогатка может быть настолько идеальной. Считалось, что точные либо никудышные рогатки получаются божьим изволением, по воле случая. Всякий раз, создавая новую рогатку, ты мог полагаться лишь на удачу, и шансы были пятьдесят к одному, что удача повернется к тебе спиной. Но в рогатке Уилла не было ничего случайного. Она являлась произведением искусства, плодом творческой мысли, воплощенной в жизнь.

Люк проверил упругость жгутов — в самый раз, не слишком туго и не слишком слабо. Однако он не устоял перед искушением внести хоть какой-то свой вклад в это завидное творение и, поплевав на пальцы, любовно смазал жгуты слюной, чтобы добавить им эластичности.

Когда Уилл наконец нашел подходящий голыш, он взглянул в сторону дуба и с удивлением обнаружил птицу на месте. Забрав у приятелей рогатку, он вложил камень в кожеток. Стрелял он отменно. Глаз его был верен, рука тверда, навыки отработаны.

Однако птица была чересчур далеко.

Переводя взгляды с оружия на цель, мальчишки ухмылялись и покачивали головами. Похвальба Уилла была настолько нелепой, что он и сам был готов посмеяться за компанию. Но потом дали о себе знать десять лет наблюдений, исследований, роста и обретения силы — и он перестал слышать звуки, издаваемые приятелями.

Пока его глаза проводили дугу — невероятную дугу — между снарядом и целью, его мозг рассчитывал и выверял будущие движения, осуществляя тонкую настройку каждого. Ступни его слегка сместились, равномернее распределяя вес тела; мышцы ног, спины и плеч пришли в готовность; пальцы поудобнее перехватили рукоять; руки поднялись и замерли в позиции для выстрела. После этого он плавно натянул рогатку.

В момент пуска камня — нет, чуть ранее, в ту секунду, когда уже нельзя было остановить пуск, — он познал ощущение совершенства. Мальчик, рогатка, камень. Он понял, что не промахнется, — и снаряд взмыл ввысь.

Камню потребовалось много времени для того, чтобы пролететь по заданной траектории. Или же Уильяму так показалось. В этот временной промежуток он успел надеяться, что птица снимется с ветки еще до подлета камня, который упадет на землю, никому не причинив вреда, а грач отзовется с неба насмешливым хохотом.

Но черная птица не шелохнулась.

Камень достиг верхней точки траектории и начал снижение. Мальчишки притихли. Уильям молчал. Вселенная замерла. Двигался только камень.

«Еще есть время, — думал Уильям. — Я могу криком спугнуть птицу, и она улетит». Однако язык будто прилип к небу, а момент все тянулся — долго, медленно, мучительно.

Камень завершил свой полет.

Черная птица рухнула наземь.

Друзья потрясенно уставились на опустевшую ветку. Неужели это случилось? Так не бывает! Однако же они видели все своими глазами... Три головы повернулись к Уильяму. А он все не мог оторвать взгляд от того места, где только что находилась птица. Перед глазами все еще был момент ее падения, и теперь он пытался осмыслить случившееся.

Фред прервал это минутное оцепенение громогласным воплем, и трое мальчишек припустили через поле к дереву; Люк сразу отстал, по своему обыкновению спотыкаясь о корни и борозды. Уильям опомнился и, последовав за ними с опозданием, застал друзей сидящими на корточках под деревом. Они раздвинулись, чтобы продемонстрировать ему картину.

Там, на траве, лежала птица. Грач. Птенец-первогодок, с еще не посветлевшим клювом.

Значит, это была правда. Он это сделал.

Уилл внезапно ощутил в груди странную перемену, словно один из органов был удален, а вместо него внедрено что-то другое, совершенно чуждое. Это чувство, прежде ему неведомое, распространилось из груди по всему телу, набухло в голове, забило уши, приглушило голос, достигло пальцев на руках и ногах. Озадаченный и растерянный, он не издал ни звука, а меж тем чувство укоренялось в нем, превращаясь в некую постоянную величину.

— Может, похороним птицу? — предложил Чарльз. — Устроим погребальную церемонию.

Идея таким образом отметить необычайное событие пришлась им по душе. Уже в ходе обсуждения деталей Люк — с пугливой осторожностью, вызвавшей смех у приятелей, — взялся за кончик крыла и расправил его на траве. Солнечный луч, пробившийся сквозь листву, упал на мертвую птицу, и вдруг черное оказалось не черным, заиграв чернильными переливами синего, фиолетового и зеленого. Эти краски вели себя не так, как положено обычным краскам. Они смещались и мерцали с живостью, тревожащей глаз и воображение. В тот момент каждый из мальчишек подумал, что птица,

может, и не умерла, — однако она была мертва. Мертвее некуда.

Троица вновь уставилась на Уилла. Эта красота тоже принадлежала ему.

Осмелевший Люк поднял птицу с земли:

— Грраа!

Он сделал резкий выпад трупиком в сторону Фреда и Чарльза — но не в сторону Уилла, — и оба отпрянули с испуганным криком, тотчас перешедшим в смех. Следующим с мертвой птицей поиграл Фред, держа ее за основания крыльев и имитируя полет, сопровождаемый искусным подражанием грачиному крику. Уилл выдавил смешок. Он еще не оправился после непонятной внутренней пертурбации, и легкие работали с трудом.

А спустя минуту Фреду вдруг стало как-то не по себе. И все они почувствовали то же самое. Вялое птичье тельце, повисшая голова, беспомощно растопыренные перья... Содрогнувшись, Фред бросил грача на траву.

Никто уже не думал о погребальной церемонии. Вместо этого они занялись поисками сразившего птицу камня, который отныне приобретал особую значимость. Они долго шарили вокруг дерева, подбирая и бракуя то один, то другой камешек.

— Нет, этот слишком велик, — соглашались они.

— Этот не того цвета.

— На этом нет пятнышка, как на том.

Найти снаряд так и не удалось. Свершив чудо, камень утратил свою исключительность и теперь где-то валялся, неотличимый от множества ему подобных.

Впрочем, как заметил Чарльз (и все с ним согласились), заслуга принадлежала вовсе не камню. Дело сделал Уилл, и только он.

Снова и снова они пересказывали эту историю и разыгрывали ее в лицах, по ходу дела убив из воображаемых рогаток несметное число воображаемых грачей.

Уилл оставался почти безучастным слушателем и зрителем. Как всякий десятилетний герой, он получил более чем

достаточно дружеских подзатыльников и хлопков по спине. Он улыбался, но на душе было тоскливо. Он испытывал гордость, смущение, чувство вины. Он ухмылялся и возвращал приятелям тычки, но без азарта, просто в силу традиции.

Солнце опускалось к горизонту, небо приобрело холодный стальной оттенок, тем самым напоминая, что осень уже не за горами. Все проголодались, пора было по домам. И друзья разошлись.

Уилл жил ближе всех к этому месту — до уютной маминной кухни были считанные минуты ходьбы.

На вершине земляной насыпи что-то побудило его оглянуться туда, где они оставили убитую птицу. Оказалось, что сразу же после ухода ребят там начали собираться грачи. Полтора-два десятка их описывали круги над дубом, и все новые птицы подлетали с разных направлений. Россыпью темных точек они скользили по небу и рассаживались на ветвях дерева. Обычно такие сборища сопровождаются галдежом, подобным шуму высыпаемого с тележки гравия. Но сейчас этого не было: все происходило в напряженном, нарочитом молчании.

И каждый грач на каждой ветке смотрел в его сторону.

Уилл спрыгнул с насыпи и помчался домой — быстрее, чем он бегал когда-либо прежде. Лишь ухватившись за ручку двери, он решился еще раз взглянуть назад. В небе теперь не было ни единой птицы. Он посмотрел на дуб, но с такого расстояния, да еще против заходящего солнца, трудно было разобрать, где грачи, а где просто листва и есть ли там грачи вообще. Быть может, ему лишь почудился этот многоглазый взгляд?

Зато человеческую фигуру в тени дуба — там, где недавно стоял он сам, — Уилл разглядел вполне отчетливо. Сперва он подумал, что кто-то из приятелей вернулся к дереву, но фигура была слишком низкой для Чарльза, слишком худой для Фреда и не имела огненной шевелюры Люка. К тому же — если не списывать это на контраст света и тени — мальчик под деревом был одет во все черное.

А мгновение спустя он исчез — должно быть, пошел по тропе напрямик через лес, подумал Уилл.

Он повернул дверную ручку и перешагнул порог.

— Что случилось? Ты будто сам не свой, — сказала мама, увидев его.

В тот вечер Уильям, против обыкновения, был очень тих и показался маме нездорово побледневшим. Ее расспросы ни к чему не привели, и она поняла, что сын стал достаточно взрослым для того, чтобы иметь свои тайны.

— Подумать только — всего неделя осталась до вашего с Чарльзом отъезда в школу.

Когда мама стала рядом, наливая в тарелку суп, Уилл слегка привалился к ее боку, а когда она обняла его за плечи, не стал отстраняться с возмущенным напоминанием, что ему уже десять лет. Неужели ее бесстрашный сын так нервничает из-за предстоящей учебы в оксфордском интернате? В спальне мама укрыла его дополнительным пледом, хотя было еще не холодно, и оставила у кровати горящую свечу. Вернувшись через час, чтобы поцеловать Уилла на ночь, она взгляделась в лицо спящего. Какой же он бледный! Даже трудно узнать, словно это не ее сын. Дети в его возрасте на удивление быстро меняются.

«Ему всего лишь десять, а я уже его теряю, — с горечью подумала она, а за этой мыслью острой болью пронзила другая. — Если только уже не потеряла».

Наутро Уильям проснулся больным и до середины следующей недели пролежал пластом, пока мама хлопотала вокруг. И в те самые дни, когда кровь, казалось, вот-вот закипит в его венах, когда пот лил ручьями, а боль исторгала из него жуткие вопли, Уильям вложил все накопленные к десяти годам силы и опыт в наитруднейшее деяние из всех им до того предпринятых — в попытку забыть.

И в этом он почти преуспел.



Грач кажется существом вполне заурядным, пока вы не приглядитесь к нему внимательно.

Его оперение — одна из самых неординарно красивых вещей, сотворенных природой. Как заметили в тот день ребята, перья грача могут мерцать, переливаясь чуть ли не павлиньей радугой красок, хотя на самом деле в них нет синего, фиолетового или зеленого пигментов. Атласная чернота головы и спины сменяется на груди и ногах более мягким и глубоким бархатно-черным цветом. Грач не просто черен — он чернее самой черноты. В нем присутствует невероятный переизбыток черного, не наблюдаемой ни в одной другой живой твари. Он — сама суть черноты.

Откуда же тогда берется эта игра красок?

Дело в том, что грач чем-то сродни волшебнику. Его черные перья способны создавать поразительный оптический эффект.

«Ага! — скажете вы. — Выходит, это всего лишь иллюзия».

Отнюдь. Грач не имеет ничего общего с фокусником, достающим из цилиндра всякую всячину и заставляющим вас видеть то, чего реально не существует. Грач, напротив, является волшебником реальности. Спросите собственные глаза, какого цвета солнечный луч? Они не смогут вам ответить. А грач может. Он ловит свет, расщепляет его, кое-что впитывает, а остальное излучает, демонстрируя фантастические возможности оптики, показывая вам истинный свет, который ваши бедные глаза узреть не в силах.

Но колдовская игра красок — не единственный трюк, сокрытый в грачином оперении. Хотя это и большая редкость, но некоторым счастливицам доводилось быть свидетелями такого зрелища: ярким летним днем грач, в полете разворачиваясь против солнца, внезапно меняет свой цвет с черного на ангельски-белый, с зеркальным отблеском, и несколько мгновений ослепительно сияет в своей торжествующей белизне.

Принимая во внимание необычную красоту этой птицы и ее способность к чудесным изменениям своего облика, остается лишь удивляться тому, что основной средой обитания грачей являются поля, где они кормятся личинками, гусеницами и т. п. Почему эти сказочно прекрасные создания не живут в покоях принцесс и не роскошествуют в золоченых вольерах с набором изысканных яств, подаваемых ливрейными лакеями на серебряных подносах? Почему они проводят время среди пасущихся коров, тогда как им более приличествует общество единорогов, грифонов и драконов?

Ответ прост: грач живет так, как ему хочется. А когда он захочет пообщаться с людьми, то скорее предпочтет компании пьяного поэта или чокнутого старикашки салону великосветской мамзели. И конечно же, он не прочь полакомиться кусочком драконьей печени или языком единорога, если удастся их раздобыть, да и мясом грифона не побрезгует, буде таковое подвернется.

Когда грачи собираются в превеликом множестве, для этого есть самые разные названия. Кое-где используют выражение «грачиная паства».

Часть первая

Воистину, грач видит гораздо больше того, на что мы полагаем его способным, слышит гораздо больше, чем мы думаем, понимает больше, чем мы можем себе представить.

*Босуэлл Смит. Жизнь птиц и их изучение*¹

¹ Вероятно, имеется в виду Реджинальд Босуорт Смит (1839–1908) — английский педагог и писатель; его книга «Жизнь птиц и их изучение» вышла в 1905 г.

1

Шесть из семи дней в неделю окрестности Берфорд-роуд наполнялись грохотом, лязгом, дребезжанием и гулом работающей Беллменской фабрики. Беспрестанно снующие туда-сюда челноки ткацких станков создавали лишь малую часть этой какофонии, а ее главной составляющей были рев и клокотание вод Виндраша¹, крутивших водяное колесо и порождавших всю эту бурную активность. Шум стоял такой, что по окончании трудового дня, когда замирали станки и приводные механизмы, он еще долго отдавался эхом в ушах работников. Это эхо звенело, когда люди приходили к себе домой, не прекращалось, когда они укладывались спать, и зачастую продолжало звенеть в их снах.

Птицы и звери сторонились Беллменской фабрики — по крайней мере в будние дни. Только грачам хватало духу летать над ней в любое время. Более того, они как будто даже получали удовольствие от производимого фабрикой шума, дополняя его своим пронзительно-хриплым граем.

Но сейчас было воскресенье, и с фабрики не доносилось ни звука. Между тем на другом берегу реки, вверх по главной улице селения, множество людей производило шум совсем иного рода.

Грач — или ворона, ибо издали их нелегко отличить друг от друга, — эффектно спланировал на конек церковной крыши, склонил голову набок и прислушался.

Явись и в меня войди,
Духа святого воля,

¹ *Виндраш* — река в юго-западной части Англии, приток Темзы.

Чтобы освободить
От страха, греха и горя...

Первый куплет гимна прихожане исполнили прескверно — слаженностью под стать гурту овец, блеющих в загоне на рыночной площади. Кое-кто из собравшихся воспринимал это как состязание, в котором приз достанется самому громогласному; некоторые, полагая пение пустой тратой времени, сбивались на скороговорку, чтобы скорее с этим покончить; другие же, напротив, боялись забежать вперед и, перестраховываясь, запаздывали на какие-то доли такта. Среди прихожан было много фабричных работников, в силу известных причин имевших проблемы со слухом. Эти просто создавали звуковой фон — низкое монотонное гудение вроде того, какое случается при заклинившей педали органа.

К счастью, здесь был еще и церковный хор, в составе которого, опять же к счастью, был Уильям Беллмен. Его звонкий и чистый тенор, как стрелка компаса, задавал остальным верное направление; он спланировал, дисциплинировал, указывал цель. Вибрации этого голоса действовали даже на барабанные перепонки слабослышащих, и тон их гудения начал варьироваться с некоторым намеком на музыкальность. Как следствие, если «От страха, греха и горя» паства проблеяла вразнобой, то следующая строка — «Приблизься, счастливый день» — вышла более слаженной; на «Пусть мрачная сгинет тень» большинство поющих уловило мелодию, а финальное «блаженство вовек» уже обрело подобие благозвучности, приличествующей религиозным собраниям.

Последние звуки гимна растаяли в воздухе, а вскоре после того двери распахнулись, выпустив прихожан в церковный двор, где многие задержались, дабы переброситься парой слов и погреться на осеннем солнышке. Среди них были две женщины, одна уже в годах, другая гораздо моложе, обе разодетые в пух и прах, с рюшечками, ленточками и приколотыми к корсажам букетиками. Они приходились друг другу теткой и племянницей, хотя молва нашептывала иное.

— Вот бы воскресенье было каждый день, — мечтательно молвила младшая мисс Янг, имея в виду пение Уильяма, и неожиданно получила ответ от проходившей мимо миссис Бакстер:

— Уильяма Беллмена вы можете послушать в любой вечер под окнами «Красного льва». Хотя... — она понизила голос, но не настолько, чтобы это замечание ускользнуло от стоявшей неподалеку матери Уильяма, — то, что приятно на слух, не всегда приемлет душа.

Дора Беллмен никак не среагировала на эти слова и с безмятежным видом обернулась к подошедшему мужчине, своему деверю.

— Скажи-ка, Дора, а чем еще занимается Уильям, кроме неприемлемых для души песнопений в «Красном льве»? — спросил он.

— Работает на ферме Джона Дэвиса.

— Ему вправду нравится фермерский труд?

— Ты же знаешь Уильяма. Он всегда всем доволен.

— И как долго он собирается торчать у Дэвиса?

— Пока там есть для него работа. Он берется за любую.

— А не пора ему найти что-то более серьезное и перспективное?

— У тебя есть предложение?

Во взгляде, которым она сопровождала эти слова, заключалась целая история, старая и долгая история, а его ответный взгляд говорил: «Да, это все так, однако...»

— Мой отец уже стар, и фабрикой теперь управляю я. — Дора протестующе подняла руку, но он продолжил: — Не буду поминать других, если тебе это неприятно, но я-то — разве я хоть раз тебя обидел, Дора? Разве я сделал хоть что-то плохое тебе или Уильяму? Со мной, на фабрике, у него появятся перспективы и уверенность в будущем. Ты считаешь правильным лишать Уилла всего этого?

Он замолчал, ожидая ответа.

— Ты всегда был добр со мной, Пол, — признала она. — Полагаю, если я не дам нужный тебе ответ, ты обратишься напрямую к Уильяму?

— Я предпочел бы действовать с твоего согласия.

Из дверей церкви вышли певчие, уже в повседневной одежде. Внимание прихожан тотчас обратилось на шагавшего среди них Уильяма, благо его внешность так же радовала глаз, как его пение — слух. Темноволосый, как его дядя, с высоким лбом и цепким, все подмечающим взглядом, он счастливо сочетал в себе немалую физическую силу и врожденное изящество движений. Многие из присутствовавших во дворе молодых женщин попытались вообразить себя в объятиях Уильяма Беллмена, а иным и воображать не понадобилось — они уже знали это по опыту.

Заметив в толпе мать, он улыбнулся еще шире и приветственно помахал рукой.

— Я передам ему наш разговор, — сказала она Полу, — а дальше пусть решает сам.

Засим они расстались — Дора пошла навстречу Уильяму, а Пол в одиночестве отправился домой.

В свое время при выборе жены Пол постарался избежать ошибок, допущенных его отцом и братом. Он не хотел, подобно отцу, жениться на круглой дуре с мешками золота; не устраивал его и вариант брата: красота и любовь без приданого. Энн была мудрой и добросердечной женщиной, а ее приданого как раз хватило на постройку красильного цеха. Проявив благоразумие и выбрав средний путь между двумя крайностями, он обрел гармоничную семейную жизнь, согласие в доме — и красильню в придачу. Но при всем его здравомыслии и рассудительности, Пол отнюдь не был доволен собой. Он не горевал о безвременно почившей жене так, как следовало бы горевать любящему супругу, а в моменты болезненного самокопания признавался себе, что думает о жене брата чаще и больше, чем это допустимо приличиями.

Дора и Уильям также двинулись к своему дому.

Грач на коньке церковной крыши неторопливо расправил крылья, взмыл в воздух и вскоре исчез вдали.

— Мне нравится предложение дяди, — сказал Уилл, стоя посреди их маленькой кухни. — Ты не будешь против?

— А если буду?

Он ухмыльнулся и одной рукой обнял ее за плечи. В свои семнадцать он еще не привык к такому превосходству в росте над мамой.

— Ты ведь знаешь, я не стану делать то, что может тебя расстроить.

— В том и загвоздка.

Какое-то время спустя, в укромном местечке среди камышей и осоки, рука Уилла обнимала уже совсем другие плечи. Его вторая рука была не видна, забравшись глубоко под нижние юбки, и девушка время от времени клала свою ладонь поверх, подправляя ритм движений и силу нажима. «Я определенно делаю успехи», — подумал он (на первых свиданиях она контролировала его руку безотрывно). Белые ноги девушки казались еще белее на фоне темно-зеленого мха; ботинки она не сняла — на тот случай, если их застанут врасплох и надо будет спасаться бегством. Дышала она отрывисто, со всхлипами. Уилл не переставал удивляться тому, что наслаждение может быть так созвучно боли.

Внезапно звуки стихли, и на ее лице появилась напряженная морщинка. Она судорожно надавила на его руку, белые ноги плотно сомкнулись. Как зачарованный, Уилл следил за происходящим: приливом крови к ее щекам и шее, трепетанием век. Затем она расслабилась, хотя глаза еще оставались закрытыми и на виске пульсировала жилка. Через минуту она открыла глаза:

— Теперь твоя очередь.

Он лег на спину, заложив руки под голову. Джинни в его направляющей руке не нуждалась, она свое дело знала.

— Ты не думала о том, чтобы однажды взобраться на меня и сделать все по-настоящему? — спросил он.

Она прервалась и игриво погрозила пальчиком:

— Уильям Беллмен, я намерена выйти замуж честной девицей. Ребенок от Беллмена в мои планы не входит.

И она продолжила свое занятие.

— За кого ты меня принимаешь? Ты думаешь, я на тебе не женюсь, если дойдет до ребенка?

— Не глупи. Конечно женишься, я знаю.

Она ласкала его достаточно нежно, но притом энергично. Словом, в самый раз.

— Тогда в чем проблема?

— Ты парень что надо, Уилл, не стану отрицать...

Он приподнялся, опершись на локоть, и остановил ее руку, а когда Джинни подняла лицо, спросил:

— Но?

— Уилл!

Видя, что уйти от ответа не получится, она заговорила — медленно, с запинкой облекая мысли в слова:

— Я точно знаю, какая жизнь мне нужна. Спокойная. Правильная.

Уилл кивком поощрил ее к продолжению.

— А какой будет моя жизнь, если я выйду за тебя? Наперед не скажешь — то-то и оно. Может случиться все, что угодно. Нет, ты вообще не плохой человек, Уилл. Ты просто...

Он откинулся на спину, но тут же вновь приподнялся, осененный догадкой:

— Ты положила на кого-то глаз!

— Нет!

Однако ее выдали смущение и краска, мигом залившая лицо.

— Кто он? Кто? Скажи мне!

Он сгреб ее и начал щекотать. На минуту они превратились в детишек, визжащих, смеющихся, барахтающихся на траве. Но столь же быстро к ним вернулась «взрослость», и они закончили то, для чего сюда пришли.

К моменту, когда он снова отчетливо увидел над собой листву и высокое небо, его мозг успел все разложить по полочкам. Девушке нужна была стабильность. Практичная и работающая, она не была склонна к авантюрам и поиску легких путей. А с Уиллом она лишь убивала время в ожидании,

когда на нее обратит внимание некто, ею уже замеченный. Кандидатур подходящего возраста в их краях было не так уж много, и в ходе анализа почти все они отсеялись по той или иной причине. А из оставшихся один стоял особняком.

— Это Фред из пекарни, так?

В смятении она поднесла руку к своим губам, а затем — более уместный жест, хотя и запоздалый — накрыла его рот. Пальцы Джинни пахли ими обоими.

— Не говори никому. Уилл, прошу тебя, ни слова!

И она расплакалась.

— Тише, тише. — Уилл обнял ее. — Я никому не скажу. Ни единой душой. Клянусь.

Рыдания перешли в икоту, и наконец она затихла. Он взял ее за руки:

— Успокойся, Джинни. Поверь мне, ты выйдешь замуж еще до конца этого года.

Они помыли руки в речной воде и расстались, чтобы вернуться в городок разными тропами.

Уилл направился кружным путем — через мост выше по течению реки. Теплый день клонился к вечеру, лето не торопилось сдавать свои права. «Конечно, жаль вот так лишиться Джинни, — думал он. — Девчонка она славная, что и говорить». Урчание в желудке напомнило о свежем сыре и сливовом компоте, обещанных мамой к ужину. При этой мысли он перешел на бег.

2

Уильям протянул руку для пожатия. Встречная рука на ощупь была словно в перчатке — толстые подушечки на ладони не уступали жесткостью воловьей коже. Вряд ли этот человек мог полностью согнуть пальцы.

— Доброе утро.

Знакомство происходило на фабричном дворе. Даже под открытым небом вонь от немытой испанской шерсти немилосердно била в нос.

— Здесь распаковывают и взвешивают руно, — пояснил Пол. — Заведует этим мистер Радж, он работает на фабрике... уже сколько лет?

— Четырнадцать, — сказал мистер Радж.

— Сегодня здесь шестеро рабочих. В иные дни бывает больше или меньше, все зависит от размеров поступившей партии.

Пол и мистер Радж еще минут десять обсуждали свои дела — о недовесе и усадке шерсти, о валенсийских и кастильских поставщиках. Тем временем Пол наблюдал за рабочими, которые вскрывали ящик за ящиком, опрокидывали их набок, извлекали (вместе с новой волной вонь) руно, цепляли его на весовой крюк и манипулировали гирьками, пока шерсть не всплывала ввысь подобно клочковатому грязно-серому облаку. Результаты взвешивания мистер Радж заносил в свой блокнот — не прерывая разговора с Полом о Валенсии и Кастилии, причем этак небрежно, будто речь шла о местечках не далее Чиппинг-Нортон, — и давал отмаш-

ку для следующего контейнера. Взвешенную шерсть тележками увозили на мытье. Уильям старался не упустить из виду ни единой детали. Одновременно наблюдали и за ним. Нет, никто из рабочих не тарасил на него глаза, все были заняты своим делом, однако он то и дело ловил взгляды, бросаемые украдкой.

Вместе с дядей — и осликом, тянувшим тележку с шерстью, — Уильям перешел к следующему этапу.

— Позвольте представить моего племянника, Уильяма Беллмена, — сказал Пол Беллмен. — Уильям, это мистер Смит.

Уилл пожал еще одну жесткую руку:

— Доброе утро.

Уильям наблюдал. За Уильямом наблюдали. И так продолжалось весь день.

Шерсть мыли, сушили, трепали. Уильям был весь внимание. Шерсть обеспыливали, чесали, промасливали, повторно расчесывали и укладывали в толстые ленты; он старательно запоминал все процедуры.

— Иногда шерсть отсюда везут напрямик в красильный цех, но чаще мы красим уже готовую ткань.

Следующее знакомство обошлось без рукопожатий. В прядильном цехе следившие за ним глаза были сплошь женскими — и глядели они без стеснения. Он отвесил полупоклон Клэри Райтон, старшей над всеми прядильщицами, что вызвало в комнате взрыв веселья, тут же сурово подавленного.

— Идем дальше! — скомандовал Пол.

Дальше был ткацкий цех, где челноки двигались с такой скоростью, что глаз едва успевал за ними следить, а ткань прирастала так быстро, будто рождалась непосредственно из ритмичного грохота станков. Сукновальный цех был пропитан запахом мочи и навоза — тут грязью вычищали грязь. В сушильно-ширильном цехе ткань растягивали на рамах, ярд за ярдом, и выставляли во двор, — благо стояла ясная погода.

— Ну а в дождливые дни... — Они двинулись дальше, и Пол отворил дверь длинной и узкой комнаты с бесчисленными мелкими отверстиями в стенах. — Думаю, нет нужды пояснять... А когда ткань высохнет, ее направляют...

Экскурсия продолжилась.

— ...на конечную отделку.

Однако это был еще далеко не конец, ибо «конечная отделка» подразумевала новое мытье, сушку и валку ткани с последующим ворсованием. К тому времени голова Уильяма уже шла кругом, и он мог лишь тупо следить за тем, как ткань по прохождении через станок покрывается мягкой ворсистой дымкой.

Ноздри Уильяма горели от всех этих запахов, уши заложило от непрерывного грохота, а ноги ныли от долгой ходьбы — следуя за процессом производства, он сотню раз пересек территорию фабрики с юга на север и с востока на запад, через дворы, площадки, цеха, склады и прочие здания.

— Стригальный цех, — объявил Пол, открывая еще одну дверь.

Когда дверь закрылась за их спинами, Уильям замер, потрясенный. Впервые за этот день он очутился в тишине — настолько глубокой, что от нее начало звенеть в ушах. Руки пожимать не пришлось. Двое мужчин — примерно одинакового роста и телосложения — взглянули на него лишь мельком, не отрываясь от своего занятия. Их длинные лезвия скользили над самой поверхностью материи; каждое движение было четким и предельно выверенным, словно они без звука исполняли тщательно отрепетированный хореографический номер. Ворсистая дымка исчезала, каймой пены оседая на стали и затем плавно соскальзывая на пол, а то, что оставалось после прохода лезвий, было идеально ровной, гладкой, чистой, добротной — готовой тканью.

Уильям не мог сказать, как долго он созерцал это действо, словно оцепенев.

— Завораживает, не так ли? Это мистер Хэмлин и мистер Гэмбин.

Пол взглянул на своего племянника:

— Ты утомился. Пожалуй, для первого дня тебе хватит.

После этого осталась только прессовка.

Но Уильям пожелал увидеть и прессовку.

— Мистер Сандерс, это мой племянник, Уильям Беллмен.

Рукопожатие.

— Добрый вечер.

Нагретые металлические листы вставлялись между широкими складками ткани и выдерживались так до полного остывания. А вдоль стены были сложены рулоны ткани, приготовленные к отправке.

— Ну вот, — сказал Пол, когда они вышли наружу, — теперь ты видел все.

Уильям поднял на него уже начавшие слезиться глаза.

— И не забудь свою куртку. Вид у тебя несколько очумелый.

Уильям смял в руках куртку. Шерстяная ткань. Из того же руна. После всего увиденного это казалось невероятным.

— До свиданья, дядя.

— До свиданья, Уильям.

Уже в дверях конторы он резко повернулся.

— Мы же пропустили красильню!

Пол отмахнулся:

— В другой раз.

— Ну и как тебе фабрика?

В его пространном ответе Дора смогла разобрать лишь одно слово из трех.

Он глотал пищу, почти не жуя, и при этом говорил без умолку, сыпал именами и терминами, зачастую ей неизвестными.

— Радж занимается поставками сырья, а Бантон заведует мойкой. В прядильне за главную — миссис Райтон...

— А мистер Беллмен там был? Я о старом мистере Беллмене.

Он отрицательно покачал головой, запихивая в рот очередную ложку.

— В сукновальне всем заправляет мистер Хивер, а в сушильне — мистер Крейс... Или я перепутал?

— Не говори с набитым ртом, Уилл. Твой дядя и не рассчитывает, что ты выучишь все за один день.

Отбивная и картофель к его приходу уже остыли, но для Уильяма это не имело значения. Он проглатывал еду, не замечая вкуса. Мыслями он все еще был на фабрике, видел работу каждого человека и каждого механизма, видел весь процесс в деталях и в целом.

— А что другие — все остальные фабричные? Как они отнеслись к твоему появлению?

Он указал на свой полный рот, и маме пришлось ждать.

Но она так и не дождалась ответа. Как только Уильям проглотил еду, глаза его закрылись, а голова поникла на грудь.

— Иди спать, Уилл.

Он вздрогнул, пробуждаясь.

— Я обещал вечером быть в «Красном льве».

Она взглянула на сына: покрасневшие глаза, ни кровинки в лице. И никогда прежде она не видела его таким счастливым.

— Спать!

И он пошел спать.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	21
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	175
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	369
Источники	379
Благодарности от автора.....	380